

## Азия: вызовы и перспективы

УДК 339.9(5-013:5-014)

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

# Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики

**Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Володин А.Г. Южная и Юго-Восточная Азия в формирующемся полицентрическом мире: сопряжение политики и экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 1. С. 50–71.

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

Статья поступила в редакцию 27.01.2025.

Исправленный текст представлен 04.03.2025.

**АННОТАЦИЯ.** В статье в историческом плане рассматривается процесс развития зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе и его влияние на динамику эволюции регионов Юго-Восточной и Южной Азии. Исторические истоки данного процесса имеют геополитический характер и напрямую связаны с желанием США удерживать под своим контролем обширный регион, который превратился в центр экономического роста и развития «постамериканского» мира. Проекты региональной экономической интеграции отражают, с одной стороны, естественное стремление стран двух регионов к более тесному горизонтальному взаимодействию и попытки неплатежеспособной американской экономики сохранить под сво-

им контролем пространство, которое руководствуется своими национальными интересами, всё чаще расходящимися с политическими устремлениями официального Вашингтона, – с другой. В сложившихся условиях претерпевает изменения роль Индии в мировой и региональной политике. Предпринята попытка на фоне тектонических глобальных изменений оценить возможности укрепления российско-индийских отношений.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Азиатско-Тихоокеанский регион, зона свободной торговли в Азии, Индия, Китай, Япония, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Северо-Восточная Азия, США, полицентрическое мировое устройство.

«Мир пришел в движение» – такова наиболее обобщающая характеристика современной международной жизни. Действительно, «закат» Запада и перемещение на восток оси мирового экономического и, через незначительный лаг, политического развития ставят вопрос о движущих силах данного процесса, об исторических истоках их формирования и о перспективах их развития в контексте эволюции мировой политики. Нынешнее состояние мировой экономики, характеризующееся наступающим «веком Азии», есть не что иное, как результат длительной истории экономического роста на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В правящих кругах Индии, например, полагают, что логическим продолжением проводимой официальным Дели политики «действуй на Востоке» (*Look East policy*) будет интеграция «крупнейшей демократии мира» в зону *свободной торговли*, формирующуюся на базе объединения АСЕАН.

### Юго-Восточная Азия: обретение геополитической субъектности

События в Азии развиваются стремительно и подчас неожиданно для стороннего наблюдателя. Так, 6 января 2025 г. Индонезия стала десятым полноправным членом объединения БРИКС. Индонезия – одна из наиболее населенных стран мира (более 280 млн жителей), показывающая устойчивые (на уровне 5%) темпы экономического роста. Официальная Джакарта отмечает, что состоявшееся событие отражает растущую роль Индонезии в мировых делах и ее устойчивую приверженность «более инклюзивному и справедливому мировому порядку».

В Индонезии, как и в других странах ЮВА, длительный и форсированный экономический рост имел следствием

качественные изменения в социально-экономической структуре азиатских государств. Однако модели становления современного общества в регионе Юго-Восточной Азии имели свои особенности. Как известно, для государств Северо-Восточной Азии / Дальнего Востока успехи стратегии *экспортной ориентации* (*export-led growth*) в конечном счете определялись фактором *геополитики*, то есть заинтересованностью Соединённых Штатов в постоянном контроле пространства Дальнего Востока; после окончания Второй мировой войны в сознании специалистов по мировой политике и международным отношениям (среди которых явно выделялся Джордж Кеннан) возникла своеобразная «дуга безопасности», которая протянулась от Корейского полуострова и Японского архипелага на севере до Индонезии и других стран «южных морей» на юге и имела целью оградить этот обширный регион от «экспансионистской» деятельности Советского Союза и Китайской Народной Республики. Геополитический характер данного начинания подчеркивало открытие в знак благодарности наиболее емкого в мире внутреннего рынка США для Японии, Южной Кореи и острова Тайвань [Nayar, 2005, p. 75–86]. Подобную модель экономического развития в академической литературе обычно именуют *экспортно ориентированным ростом* (*export-led growth*).

Впрочем, наблюдаемое сегодня ущербное положение «коллективного Запада» имело под собой солидную историческую подоснову. Исходным рубежом данного процесса принято считать середину 1970-х годов, когда «золотой век капитализма» (как было принято изъясняться в англо-саксонской литературе), или «славное тридцатилетие» (*les trente glorieuses*, как предпочитали говорить франко-

язычные авторы), сменился *деиндустриализацией* экономик промышленно развитых стран; данный процесс приобрел дополнительное ускорение в 1980-е годы под влиянием глобализации. «Промышленно развитые страны, – полагает известный индийский экономист П.Ш. Джха, – столкнулись с реальностью <...>, для понимания которой у них отсутствовали внятные теоретические объяснения. Этой реальностью была деиндустриализация – постоянная потеря рабочих мест в обрабатывающей промышленности при одновременном снижении вдвое темпов роста производительности труда по экономике в целом, а также возникновение хронической, в отличие от временной, безработицы» [Jha, 2010, p. 5]. Ирония истории состоит в том, что глубокий кризис «западной модели развития» был купирован самоликвидацией «противоцентра» в международной системе – Советского Союза и социалистического содружества. (Видимо, неслучайно некоторые аналитики на Западе тогда утверждали, что дезинтеграция СССР предшествовала аналогичным процессам в Америке примерно на 5–8 лет.)

Деиндустриализация как устойчивый процесс имеет и конкретное статистическое выражение. Так, например, в настоящее время доля промышленности в ВВП США составляет 11,1%, тогда как у Соединённого Королевства этот показатель составляет еще более скромные 8,8%. Из крупных развитых стран только в Германии и Японии доля промышленного производства оставалась (на конец 2019 г.) на относительно высоком уровне – 21% и 20,8% соответственно [China and the USA..., 2021, p. 13]. В Китае же доля реального сектора в ВВП в данное время составляла 40,7%. Деиндустриализация Запада не могла не иметь далеко идущих последствий

для мировой финансовой системы. Если в 1970-е и 1980-е годы основная задолженность приходилась на страны Глобального Юга, то в настоящее время 75,4% внешней задолженности падает на промышленно развитые страны [China and the USA..., 2021, p. 17]. Из вышесказанного следует, что «коллективный Запад» всеми силами и средствами стремится сохранить «порядок, основанный на правилах», поскольку только такая система отношений позволяет «золотому миллиарду» физически сохранять свое привилегированное существование.

Мысль о тупиковости развития «западного проекта» около 20 лет тому назад емко и лапидарно выразил видный индийский экономист А.К. Багчи. Согласно мнению ученого, международное право предназначено к исполнению для других стран, но никак не для Америки и ее союзников. Согласно мнению А.К. Багчи, идеологическая доктрина неоконсерваторов является «признаком слабости Америки в сфере экономики: Соединённые Штаты уже не могут платить за энергетические ресурсы, в которых они нуждаются, для осуществления ориентированного на военные методы и разрушительного для среды обитания курса накопления прибыли; поэтому милитаризм стал средством захвата за бесценок необходимых минерально-сырьевых ресурсов и увеличения доходов компаний – партнеров [государства] (*crony companies*) и создания рабочих мест в военных отраслях промышленности» [Bagchi, 2005, p. 335].

При ретроспективном анализе обнаруживается, что деградация хозяйственных систем Запада стала предметом внимания научной мысли в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Так, видный американский экономист М. Портер отмечал, что «пик эффективности» управления экономикой

в Америке пришелся на 1950–1960-е годы, тогда как Япония достигла выдающихся результатов в этой сфере деятельности в 1980-е годы [Porter, 1990, р. 4]. Продолжением поисков оптимальной модели соотношения общества и экономики стала серия работ по жизнеспособности/вitalности социальных систем, движущей силой которой стал Арман Клесс [Leading the World..., 2003]. Однако геополитические особенности международной жизни (прежде всего саморазрушение СССР) ведущей темой научных и «околонаучных» дискуссий сделали феномен «конца истории», закрыв тем самым возможности творческого осмысления причин экономической немощи западных обществ.

Нарастание «турбулентности» внутри западной финансовой системы подталкивает Вашингтон и его союзников к усилению начал политического принуждения в отстаивании своих экономических интересов. Юго-Восточная Азия выступает, как представляется, наиболее важным пространством приложения геополитических «новаций» официального Вашингтона. Как известно, Соединённые Штаты вступили в мировую политику в конце XIX в. практически синхронно на двух основных направлениях: восточном («североатлантическое пространство») и западном (Азиатско-Тихоокеанский регион). В Азиатско-Тихоокеанском регионе США с самого начала деятельности руководствовались известным имперским принципом «разделяй и властвуй» (Портсмутский мир 1905 г., подведший итоги русско-японской войны, например). Политика «сдерживания» Советского Союза после окончания Второй мировой войны на Дальнем Востоке подразумевала построение «дуги безопасности», протянувшейся от Южной Кореи и Японии до Индонезии и других стран «южных морей»

(Юго-Восточной Азии). «Политика сдерживания», таким образом, обозначила постоянное присутствие Америки в Юго-Восточной Азии.

Впоследствии политика США в ЮВА претерпела некоторые изменения. В конце 1960-х – начале 1970-х годов американская политика трансформировалась в «доктрину Никсона» (выдвинута в июле 1969 г., фактически введена в действие в феврале 1970 г.). Согласно «доктрине Никсона», США брали на себя ответственность за оборону своих союзников, определяя при этом масштабы, формы и сферы своего вмешательства в региональные события и процессы и исходя при этом из своих национальных интересов [Доктрина Никсона, 1972].

Мы должны, говорил тогда Р. Никсон, научиться жить по средствам, имея в виду ограниченные возможности Америки вести военные действия за пределами страны. Конкретизируя эти задачи, официальный Вашингтон обратился к Японии с предложением принять на себя функции инвестора в экономики стран Юго-Восточной Азии, в частности в экономику Индонезии. «Ведя войну против коммунистов во Вьетнаме, Соединённые Штаты, однако, были отблагодарены развитием событий в Индонезии (консервативный поворот во внутриполитическом развитии этой страны после событий 30 сентября 1965 г. – А. В.); американцы всячески поощряли Японию к расширению экономической помощи [Индонезии] и сотрудничества с режимом этой страны», – пишет канадский экономист Б.Р. Найяр [Nayar, 2005, р. 173]. При освобождении себя от макроэкономической нагрузки во внешних связях со странами ЮВА в Вашингтоне учитывали опыт Страны восходящего солнца по управлению экономиками региона в годы Второй мировой войны.

Начиная инвестиционную деятельность в странах Юго-Восточной Азии, Япония невольно переносила в страны «южных морей» собственные методы организации экономики и «японскую модель» хозяйствования – «государство развития» (*developmental state*) [Johnson, 1982]. Каково внутреннее содержание этого феномена? Происхождение «государства развития» имело геополитический характер, поскольку «сдерживание» СССР и Китая предполагало жизнеспособность Страны восходящего солнца как экономического организма. Американцы не только не вмешивались во внутренние экономические процессы в Японии, но и активно стимулировали воссоздание крупных объединений монополистического характера (дзайбацу), а также открыли свой емкий внутренний рынок для японских товаров, тем самым плотно привязав к себе внешнеэкономические связи и внешнюю политику Японии. В результате подобной политики Япония уже в 1952 г. достигла довоенного уровня по показателям ВВП [Friedman, Lebard, 1991, p. 117]. В Японии безальтернативность модели экспортно ориентированного развития диктовалась наличием значительного населения, недостаточным количеством орошаемой земли, скудостью минерально-сырьевой базы для развития промышленности [The Vitality of Japan..., 1997]. Аналогичные условия развития Южной Кореи и острова Тайвань вынудили эти страны примкнуть к японскому лагерю.

В экономической литературе в «лагерь» Тайваня и Южной Кореи также заносят города-государства Гонконг и Сингапур, которые собирательно называют «четырьмя драконами» или «бандой четырех» (*gang of four*). Так в основных чертах формировалась экономическая и политическая подоснова американского доминирования

на Дальнем Востоке, которая впоследствии была использована Вашингтоном для стратегического контроля над важным геополитическим пространством.

Стоит отметить, что японская экономическая экспансия в Юго-Восточную Азию породила в Индонезии, Малайзии, Таиланде и других странах ЮВА «имитационный» тип развития, частью которого стало последующее проникновение «тигров третьего поколения» на рынки Азии и других континентов. Очевидно, что модель экспортно ориентированного развития могла успешно функционировать и применяться исключительно в условиях восходящего развития мировой экономики и мировых рынков, создающего и поддерживающего благоприятные условия для глобальной торговли (как это было, например, в 1970-е годы).

Таким образом, третьим этапом становления зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало появление «третичной модели» развития капитализма (после Японии и «четырех драконов»), которую олицетворяли страны – лидеры объединения АСЕАН: Индонезия, Малайзия, Таиланд и, с известными оговорками, Филиппины. Отметим, что «третичная модель» незападного капитализма формировалась под влиянием двух основных факторов: 1) исторического опыта «освоения» Юго-Восточной Азии Японией, 2) *горизонтального* сотрудничества стран – участниц экономической ассоциации АСЕАН, существующей с 1967 г.

Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины изначально не располагали ни достаточным уровнем образования населения, ни экономической культурой индустриального типа, ни общественной дисциплиной, необходимыми для повторения траектории развития «четырех тигров», не говоря уже о лидере форсирован-

ного экономического роста – Японии. Тем не менее успехи «авангарда» оказывали постоянный «демонстрационный эффект» на общества Юго-Восточной Азии, подталкивая элиты последних не только к имитации «японской модели развития», но и (используя фактор относительно недорогой рабочей силы) к последующему выходу на внешние рынки, тем более что мировая конъюнктура в 1970-е годы благоприятствовала реализации экспортно ориентированного типа общественной эволюции [Nayar, 2005, p. 168–180]. Так на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии возникла «трехчленная» модель развития (Япония – «новые тигры» – ведущие страны АСЕАН), каждый участник которой не только ощущал себя некоей новой политэкономической целостностью, но и был решительно настроен на отстаивание собственных «партикулярных» интересов. Данная особенность «трехчленной» модели впоследствии сказалась на содержании и характере межгосударственных отношений на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, включая противоречия с внерегиональными «игроками», прежде всего с Соединёнными Штатами Америки.

Экономисты и политологи уже тогда обращали внимание на *геополитический* характер сформировавшейся «модели», которая была призвана обслуживать национальные интересы США. Стратегический замысел Америки в этих двух соседствующих регионах выглядел следующим образом: «Соединённые Штаты, как доминирующая сила региона (то есть Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – А. В.), взрастили послевоенный экономический подъем Японии и привязали эту страну к рынкам Юго-Восточной Азии и к расположенным там минеральным ресурсам, чем предопределили многие аспекты развития региона ЮВА. <...> Таким

образом, спектр экономической политики для политических элит Юго-Восточной Азии прежде всего зависел от интересов безопасности и геополитических императивов США и их региональных последствий, как их понимал американский внешнеполитический истеблишмент» [Nayar, 2005, p. 171].

В начале нынешнего века в макрорегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии заметно возросла экономическая и политическая активность Китая, а затем и Вьетнама. Оба эти общества на своем развитии испытали сильное влияние как традиционных общественно-культурных ценностей и установок, так и принципов организации социума социалистического типа («принудительно направляемого хозяйства», если пользоваться стилистикой Л. Эрхарда [Эрхард, 1991]). И в китайском, и во вьетнамском обществах, как известно, самодисциплина выступала в качестве каркаса производства и экономической и политической культуры. Можно сказать, что и Китай, и Вьетнам были «государствами развития», хотя и в особой, социалистической форме. Указанные особенности исторической эволюции в конечном счете помогли обоим обществам непротиворечиво интегрироваться в систему экономических взаимоотношений в макрорегионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Таким образом, культурный код и его производные оказались важнее идеологической дихотомии «капитализм – социализм». Дальнейшее внутреннее развитие данного макрорегиона происходило под определяющим влиянием его естественных экономических потребностей, с одной стороны, и постоянного давления со стороны правящих кругов США – с другой. Одним из важных направлений «обустройства» этого обширного экономического пространства стала «зона свободной торговли» в Азии.

## Зона свободной торговли в Азии: эволюция и последствия

Восточная Азия является одним из наиболее развитых регионов мира по показателю зрелости внутренних интеграционных процессов. Добавим, что на качестве и глубине интеграционных процессов в макрорегионе Дальний Восток – Юго-Восточная Азия сказалась значительная подготовительная работа, проделанная с начала 1990-х годов. Форсированный экономический рост, имевший следствием модернизацию социально-экономической структуры обществ ЮВА, логикой внутреннего развития превратил макрорегион Дальнего Востока – ЮВА в один из важных «полюсов» развития и тем самым способствовал динамизации интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Немалая роль в «подталкивании» этого процесса принадлежала Японии, которая своей деятельностью стимулировала развитие производительных сил в ЮВА. Обособление макрорегиона Дальнего Востока – ЮВА в мировой экономике медленно, но верно ослабляло зависимость этого экономического пространства от Америки и Западной Европы. Параллельно выкристаллизовывались и собственные политические интересы.

Проект зоны свободной торговли в Азии имеет довольно длительную историю. На первом этапе (начало 1980-х годов) его лидером выступала Малайзия в лице премьер-министра Мохатхира Мохаммада (политика «смотри на Восток» [*Look East*]), смысловыми центрами которой должны были стать Страна восходящего солнца и «японская модель развития». Возможно, М. Мохаммад первым среди политиков понял, что США не могут ни противостоять новым финансовым

потрясениям, ни предложить государствам Азии убедительные проекты по ликвидации их последствий. Так был дан старт проектам формирования единой зоны свободной торговли и, стало быть, общего регионального рынка [Костюнина, Баронов, 2017, с. 179–183]. (Точка зрения Г.М. Костюниной и В.И. Баронова в принципе разделяется другими отечественными авторами [Арапова, 2017; Дёмина, 2017; Томилов, 2019]). Поиски новой модели регионального сотрудничества объективно облегчались позицией Японии, которая в начале нынешнего века в своих внешнеэкономических связях всё больше ориентировалась на страны Восточной Азии, а также на Китай.

Факторы ускоряющегося времени и общего пространства создавали основу для необходимых переговоров по активизации интеграционных процессов внутри АТР. Да и международная жизнь работала во благо межгосударственного взаимодействия. Наконец, появился реальный результат совместных усилий. Завершение переговоров по соглашению о свободной торговле «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (ВРЭП) 15 ноября 2020 г. было оценено как важный шаг в развитии международной торговой системы. Создание крупнейшей в истории мировой экономики зоны свободной торговли означает, что протекционизм в конце первой четверти XXI в. уже не мог (и не может) рассматриваться как единственный вариант торговой политики. Однако, как отмечают специалисты, даже если ВРЭП и снизит административные и политические барьеры при заключении торговых соглашений в регионе, это не станет серьезным прорывом на пути к созданию зоны свободной торговли в АТР. ВРЭП, как признают аналитики, явля-

ется довольно «рыхлым» торговым соглашением. У ВРЭП нет достаточного внутреннего (политэкономического и институционального) потенциала, чтобы превратить Азиатско-Тихоокеанский регион в монолитный блок в международной торговой политике. Более того, институционализация ВРЭП (и это обстоятельство, пожалуй, – главное препятствие) никак не способствует преодолению растущих политических противоречий в регионе АТР.

Как известно, соглашение ВРЭП было инициировано странами АСЕАН и включает в себя десять членов этой организации (Бруней, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам), а также Китайскую Народную Республику, Японию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Начиная с 2012 г. эти страны вели переговоры об условиях и статусе регионально-го соглашения о свободной торговле. Одной из основных мотиваций участия стран АСЕАН в этом процессе было создание своеобразного противовеса Транстихоокеанскому партнерству (ТТП). После того как США вышли из этого соглашения в 2017 г., последующая реализация менее амбициозного проекта (Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, *CPTPP*) не представляла собой полную замену ВРЭП, поскольку важные члены АСЕАН, особенно Индонезия и Таиланд, не участвовали в *CPTPP*. Целесообразно отметить, что ВРЭП качественно не меняет торговые отношения между АСЕАН и КНР, поскольку торговля между этими одиннадцатью экономиками ведется на основе соглашения о свободной торговле с 2010 г. Добавим: в настоящее время объединение АСЕАН является крупнейшим внешнеторговым партнером Китая.

## Внутрирегиональное сотрудничество Японии, Китая и Южной Кореи

В научной литературе и публицистике меньшее внимание уделяется заключению соглашения с участием именно этих трех государств. Видимо, недостаток интереса у науки и журналистики к данной проблеме связан с тем, что вплоть до недавнего времени переговоры между двумя крупными величинами мировой экономики – Китаем и Японией – не считались перспективным начинанием с учетом их исторических и экономических противоречий. Теоретически эффективным баланси-ром между двумя экономическими гигантами смогла бы выступить «третья сила», например Южная Корея. Однако на данном «поле» существуют свои сложности. Так, противоречия между Пекином и Сеулом, в которые в 2017 г. была вовлечена южнокорейская компания *Lotte*, грозили расстройством двусторонних внешнеэкономических связей. Конфликт удалось разрешить лишь на высшем политическом уровне. Помимо этого, официальный Пекин учитывает, что Япония, наряду с США, Австралией и Индией, входит в Четырехсторонний диалог по безопасности, или *QUAD*, «свободный» альянс в Индо-Тихоокеанском регионе. Хотя *QUAD* остается весьма аморфным, «рыхлым» объединением, в Пекине учитывают важнейшую цель этой группы: сформировать военный противовес КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К тому же нарастающая сложность политических отношений в АТР противоречиво влияет на деятельность дипломатии различных стран. Так, Япония, с одной стороны, прочно закрепилась в лагере стран, которые критически относятся к растущей решительности китайской внешней политики, но, с другой стороны, Страна восходящего солнца

объективно заинтересована в расширении своей торговли с Китаем. (Экономисты отмечают: нынешний экономический рост в Японии есть по большей части следствие активных внешнеэкономических связей с Поднебесной.) В то же время участие Японии во ВРЭП можно объяснить и наличием группы политически мотивирующих факторов, прежде всего соперничеством Токио и Пекина. Выход Японии из соглашения, отмечают аналитики, вызовет автоматический рост влияния Китая на развивающиеся экономики АТР.

Считается, что основное преимущество ВРЭП для торговой политики заключается в том, что это соглашение теоретически облегчает реализацию комплексной модели внешнеторговых отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Экономисты уже давно сетуют на то, что экономические выгоды от многих торговых соглашений региона ограничены, поскольку они имеют следствием усиление, а не уменьшение практик регулирования в международной торговле. Для компаний – участниц внешнеэкономических связей снижение тарифов в двусторонней торговле обернулось увеличением административных расходов: им пришлось потратить немалые средства на документальное подтверждение происхождения товара. Ведь без действующего сертификата происхождения товары не могут продаваться беспощинно в рамках любого соглашения о свободной торговле. Практика показывает: экономические преимущества отмены импортных пошлин нередко «компенсируются» затратами на изготовление подобных сертификатов происхождения.

Как известно, экономические последствия предыдущей торговой политики были разочаровывающими. Согласно исследованию Тихоокеанского совета экономического сотрудничества,

проведенному в 2015 г., подавляющее большинство компаний не воспользовались преимуществами существующих соглашений о свободной торговле. Лишь 22% сделок в торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе (учитывалась только торговля между странами, входящими в соглашение о свободной торговле) осуществлялось с использованием договорных льгот. Остальные 78% были «очищены» с использованием стандартных правил и тарифов Всемирной торговой организации (ВТО). Иными словами, существующие соглашения о свободной торговле не внесли значительного вклада в либерализацию торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предполагается, что ВРЭП, с другой стороны, снизит административную нагрузку на компании торгового сектора, поскольку единые правила происхождения будут применяться ко всем вовлеченным в процесс хозяйственным системам. Однако компаниям всё равно придется рассчитывать, будут ли затраты на доказательство происхождения продукта ниже таможенной пошлины, которую им в противном случае пришлось бы платить. Впрочем, представляется правдоподобным, что доля торговли, осуществляемой по условиям ВРЭП, будет выше, чем по предыдущим торговым соглашениям.

ВРЭП теоретически способствует либерализации торговли между странами-участницами. В зоне свободной торговли снижаются издержки приграничной торговли товарами и услугами. Тем не менее модель ВРЭП объективно способствует дальнейшему разрушению многосторонней торговой системы. Каждое соглашение о свободной торговле представляет собой исключение из известной статьи 1 Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ). Это положение о «наиболее благоприятствуемой на-

ции» (все меры по либерализации торговли автоматически предоставляются всем странам – членам ВТО) не применимо в условиях свободной торговли. Данное исключение регулируется статьей 24 ГАТТ. Однако предпосылкой для этого является то, что соглашение о свободной торговле охватывает «практически всю торговлю». Правда, такие сферы экономики, как сельское хозяйство и рыболовство, сознательно исключены из сферы действия этого соглашения. Регулирование торговли услугами является слабым и нечетким. Впрочем, эти недостатки свойственны почти всем соглашениям о свободной торговле. Причина проста: государство – член ВТО должно будет подать иск, а поскольку все договаривающиеся стороны сами нарушают правила статьи 24, никаких действий предпринято не будет.

Таким образом, соглашение ВРЭП не представляет собой возвращение к духу либерализации торговли 1980-х и 1990-х годов. Данное соглашение еще больше ослабляет многостороннюю торговую систему, а не укрепляет ее. Это может быть выгодно для участвующих в обменах экономик, но никак не для мировой экономики в целом. Даже для стран – членов ЕС последствия соглашения ВРЭП незначительны. Согласно исследованию Института международной экономики Петерсона (PIIE), страны, входящие во ВРЭП, будут генерировать дополнительный ВВП на сумму 174 млрд долл. ежегодно к 2030 г. Поскольку ВРЭП уже охватывает своим действием население, насчитывающее более 2,5 млрд чел., экономические выгоды для отдельных лиц вряд ли будут значительны. Согласно расчетам, объем производства в зоне ВРЭП увеличится примерно на 70 долл. в год в пересчете на душу населения. Едва ли это достижение может считаться существенным.

Независимые эксперты полагают, что соглашение ВРЭП также не приведет к созданию нового экономического блока во главе с Китаем, как нередко утверждают политические противники Поднебесной. Нормативное содержание соглашения не ставит перед его участниками далеко идущих, «амбициозных» задач. В частности, соглашение не содержит конкретных требований по охране окружающей среды. В отличие от Европейского союза – таможенного союза, который имеет общую торговую политику для государств-членов, – ВРЭП отличается своеобразной гибкостью, поскольку позволяет странам-участницам проводить свою собственную торговую политику. Например, Австралия может заключить соглашение о свободной торговле с ЕС, если пожелает. Если бы ВРЭП был таможенным союзом, картина изменилась бы. Но в сегодняшнем политическом климате трудно представить, чтобы такие страны, как Австралия или Япония, могли договориться о таможенном союзе с Китайской Народной Республикой. Соглашение, по признанию аналитиков-экономистов, не является началом процесса азиатско-тихоокеанской интеграции, прежде всего потому, что оно не регулирует проблемы политического порядка. Так, после подписания соглашения политическая напряженность, препятствующая далекой интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отнюдь не снизилась.

К слову, правительство Австралии осуществляет политику плотных связей в области безопасности с США, с одной стороны, и многостороннего экономического сотрудничества с Китаем – с другой. В Канберре признают: ни одна другая страна не получила такой выгоды от экономического бума Китая, как Австралия. Китайские иммигранты внесли свой вклад в развитие

Австралии со времен золотой лихорадки 1850-х годов. До кризиса, вызванного коронавирусом, в Австралии обучалось около 180 тыс. китайцев. Ежегодно Австралию посещали 1,2 млн жителей Поднебесной. Такое же количество лиц китайского этнического происхождения проживает на пятом континенте.

Китай является крупнейшим торговым партнером страны с 2007 г. В настоящее время КНР является одним из наиболее важных пунктов назначения австралийского экспорта. В то же время другой ведущий партнер, Япония, значительно отстает от Поднебесной по объему взаимного товарооборота. Объем австралийского экспорта товаров и услуг в Китай превышает экспорт этих статей Австралии в Японию, США, Индию и Южную Корею, вместе взятые.

В целом политический фон внешнеэкономического сотрудничества двух стран остается неблагоприятным. Австралийское общество всё более скептически относится к Китаю. Только около трети опрошенных респондентов имеют положительное мнение о Поднебесной, хотя экономическое процветание Австралии во многом зависит от экспорта сырья в Китай и от китайского спроса на образовательные и туристические услуги. Пример Австралии показывает, насколько хрупок внешний вид современности в этой стране. Местный журналист Ричард МакГрегор назвал Австралию «современной мультикультурной страной с глубокими ксенофобскими корнями». Подобная характеристика не лишена оснований.

Так, после Второй мировой войны программы, которые открыли Австралию для массовой иммиграции европейцев, негласно объяснялись наличием «желтой угрозы». В то время (1950-е годы) австралийцы опасались Японии, тогда как сегодня объектом их страхов

и фобий стал Китай. Диалектику отношения австралийцев к Китаю емко определил бывший премьер-министр страны Тони Эбботт (2014), который сказал, что решающее влияние на восприятие Китая у австралийцев имеют два чувства: страх и жадность. С тех пор эта дихотомия в восприятии Китая у жителей Пятого континента изменилась лишь в том смысле, что ощущение внешней угрозы в австралийском обществе еще больше усилилось. Сегодня Поднебесная ожидает от Австралии воздержания от критики внешней политики китайского правительства. Иными словами, соглашение ВРЭП оказалось не в состоянии разрядить политическую напряженность в австралийско-китайских отношениях.

Свои особенности в межгосударственных отношениях в АТР имеет позиция *Японии*. Для извечного соперника Китая заключение соглашения о свободной торговле с «коммунистическим» государством полезно. Токио присоединился к ВРЭП, поскольку это соответствует его экономическим интересам и не влечет за собой высоких политических рисков и издержек. Помимо этого, внешнеэкономические связи с КНР, как отмечают экономисты, выступают ключевым фактором экономического роста в Стране восходящего солнца с учетом значительной зависимости японской промышленности от состояния мировой торговли. Кроме того, соглашение ВРЭП позволяет японским компаниям строить производственные цепочки и сети в макрорегионе Дальнего Востока – ЮВА еще активнее, чем раньше. Японские компании с начала 1970-х годов были «напористы» в странах АСЕАН. Например, они внесли большой вклад в превращение Таиланда в важный производственный центр автомобильной промышленности. Упрощая правила происхождения товара, японские

автопроизводители теперь могут увеличить закупку компонентов для производства автомобилей по всей ЮВА. Наконец, исключение торговли сельскохозяйственной продукцией из обязательных групп товаров чрезвычайно выгодно Японии.

Японии в силу объективных причин (скудость сельскохозяйственных угодий) изначально было затруднительно либерализовать торговлю сельскохозяйственной продукцией как внутри ВТО, так и в рамках двусторонних соглашений о свободной торговле. Японская сельскохозяйственная продукция не может конкурировать по цене с товарами из Юго-Восточной Азии. Например, открытие страны для импорта риса из региона ЮВА повлекло бы за собой высокие политические издержки для правящей Либерально-демократической партии. Учитывая ожидаемые значительные выгоды для всё ещё сильной промышленности Японии в сочетании с продолжающейся защитой японских фермеров, ВРЭП, похоже, создан специально для интересов и предпочтений Токио.

Одним из наиболее важных участников процесса формирования зоны свободной торговли в Азии выступает *Китай*. Как и Япония, Китай извлекает выгоду из создания зоны свободной торговли. Китайские компании равным образом имеют выгоду от административных «упрощений» и смогут более активно переносить в ЮВА свои производственные сети. В случае с Китаем, в частности, возникает вопрос, является ли такая интернационализация вообще желательной с политической точки зрения.

Руководство КНР приняло стратегическое решение о преимущественной ориентации экономики страны на внутренний рынок в связи с мировым финансово-экономическим кризисом 2007–2009 гг. Однако по логике своей

внутренней экономической политики Китай должен продолжать участвовать в «большом» международном разделении труда. Целью новой стратегии также является сохранение важности китайского рынка для деятельности иностранных компаний. Существует мнение: если Китай продолжит покупать престижные автомобили иностранного производства, это удержит иностранные правительства (прежде всего европейские) от критики КНР и его внешнеэкономической стратегии. Мотив «жадности», на который ссылался Тони Эбботт, сознательно используется китайскими властями для сохранения зависимости иностранных государств от наиболее емкого в мире (по некоторым оценкам) внутреннего рынка Поднебесной. Немецкие компании, работающие в автомобильной промышленности, являются наглядным примером подобной зависимости.

Заметное место в интеграционных процессах в Азии занимает *Южная Корея*. Как и Япония, Южная Корея (по причине недостаточной площади земельных угодий) «экзистенциально» заинтересована в защите своего агропромышленного комплекса. Однако и Южной Корее, и Японии пришлось усвоить несколько «унизительных» уроков в отношениях с Поднебесной. Так, автомобильная промышленность двух стран в начале 2020 г. пережила торможение из-за нехватки необходимой продукции из Китайской Народной Республики. По этой причине производителям *Hyundai* и *Kia*, например, пришлось полностью приостановить производство. Аналогичным образом в Японии *Honda* и *Nissan* также были вынуждены сократить производство автомобилей. В 2019 г., то есть в последний благоприятный предковидный год, 31,1% всех автозапчастей, импортированных в Южную Корею, и 36,9% всех автозапчастей, ввезенных в Япо-

нию, поступили из Китая. Многим лидерам бизнес-сообщества в Южной Корее и Японии стало ясно, что закупка производственных компонентов из Китая может быть разумной по цене, но должна предполагать отлаженную логистику. В разгар кризиса логистические цепочки фактически прекратили функционировать. Получилось так, что недорогие производственные компоненты оказались довольно «накладными» по цене, поскольку их вывод из промышленного оборота имел следствием остановку целых производственных линий. Не исключено, что этот негативный опыт ослабит интерес промышленных компаний из стран Восточной Азии к закупкам промышленных компонентов в Китае или в странах Юго-Восточной Азии даже после вступления в силу соглашения ВРЭП.

Предсказуемо «особой» выглядит позиция Индии. Как известно, Индия не подписала соглашение ВРЭП, что сильно ослабило позиции сторонников «свободной торговли» в Азии. Схематично позицию «крупнейшей демократии мира» в отношении развития зон свободной торговли можно представить как максимальную свободу для индийского капитала на внешних рынках и значительные ограничения для капитала иностранного в Индии. Данная позиция существует давно, с «Бомбейского плана» 1944 г., и не имеет тенденции к изменению, тем более что сам «план» стал логическим завершением событий и процессов почти столетней истории [Wolmar, 2017, p. 10–14]. Защита национального предпринимательства – одно из краеугольных оснований политики всякого индийского правительства, вне зависимости от его партийной принадлежности. Общая картина участия Индии в мировой экономике противоречива. С одной стороны, компании из «круп-

нейшей демократии мира» очень активны за пределами страны, и не только в сфере услуг. Значительная доля участия в британской автомобильной промышленности (*Jaguar, Land Rover*) сейчас принадлежат индийской компании *Tata*. С другой стороны, индийское правительство неоднократно доказывало, что оно замедляет практическое развитие «либеральных» правил международной торговли. С самого начала переговоров Дохийского раунда ВТО в 2001 г. официальный Дели настаивал на выполнении требований развивающихся стран о защите национальных рынков. Ожидания, что правительство Нарендры Моды, находящееся у власти с 2014 г., окажется достаточно решительным, чтобы существенно либерализовать торговую политику Индии, не подтвердились. Индия по-прежнему занимает позицию скептицизма в отношении глобализации (хотя на словах ее поддерживает) и, как и Китай в новом пятилетнем плане, фокусирует внимание в первую очередь на внутреннем экономическом развитии.

Индия как наиболее населенная страна мира представляет собой особый случай в сегодняшней международной торговой системе, поскольку не заключила соглашения о свободной торговле ни с одной из основных экономических зон: Восточной Азией, Европой, Северной Америкой. Премьер-министр Индии Н. Моди полон решимости превратить страну в современную экономику, способную конкурировать на равных с промышленно развитыми странами. Однако экономисты-аналитики отмечают несоответствие заявлений индийского правительства его действиям в мировом экономическом пространстве. По сути дела, правительство Н. Моды проводит протекционистскую политику. В «индексе экономической свободы», составленном американским Фондом насле-

дия, Индия в 2020 г. заняла 120-е место, значительно уступив таким странам АСЕАН, как Малайзия (24-е место), Таиланд (43-е) и Индонезия (54-е).

Учитывая исторический опыт и внутреннюю расстановку социально-политических сил в стране, эксперты отмечают, что Индия вряд ли станет «экономически открытой» в обозримом будущем. Для этого есть две основные причины. Во-первых, маловероятно, что Индия присоединится к соглашению о свободной торговле, одной из сторон которого является Китай. Вторая причина – возрождение экономической политики, опирающейся на внутренний рынок и пытающейся ограничить внешнюю торговлю. Это политика, которая способствует высокому уровню экономической самодостаточности и делает особое ударение на относительно замкнутом внутреннем рынке. Смысл подобного курса состоит в поддержке национальной промышленности, тогда как свободная торговля во внешнеэкономической стратегии страны занимает подчиненное положение. На Западе не ожидают, что правительство Н. Модии откажется от своего протекционистского курса и обратится к политике экономической открытости. Сторонникам глобализации придется считаться с «особой» позицией Индии по проблемам мировой торговли.

Специалисты по мировой экономике обращают внимание на то, что ВРЭП существенно не изменит будущее международной торговли. Соглашение предоставит необходимую административную поддержку предприятиям Азиатско-Тихоокеанского региона и облегчит движение товаров и услуг на данном пространстве. Однако все политические проблемы, которые ранее затрудняли, а то и делали невозможным далекоидущую экономическую и политическую интеграцию

в АТР, сохраняются. Речь идет о взаимных территориальных претензиях в Южно-Китайском море, о пугающей американцев и их ближайших союзников внешней политике Пекина и до сих пор неясных отношениях между субсидируемыми государством китайскими госкомпаниями, с одной стороны, и теми компаниями в странах – торговых партнерах Китая, которые подчиняются законам рыночной экономики, – с другой. В то же время заметно, что два наиболее населенных государства «Индо-Тихоокеанского региона» (Индия и Китай) стремятся отойти от парадигмы открытой торговой политики. Таким образом, ВРЭП, скорее всего, станет «очередной кульминацией» азиатско-тихоокеанской интеграции, а не исходным пунктом создания экономического и политического союза в этом обширном регионе.

Перспективы формирования зоны свободной торговли/единого экономического пространства в Азиатско-Тихоокеанском регионе наталкиваются на два очевидных препятствия. Во-первых, чрезвычайно трудно согласовать и гармонизировать интересы многочисленных государств, находящихся на различных стадиях социально-экономической эволюции и имеющих порой расходящиеся национальные интересы. Интеграционные процессы в данном случае видятся длинной траекторией, на которой каждая инициатива предстает и как приближение к заветной цели, и как новые трудности, возникающие на этом непростом пути. Во-вторых, тормозящее влияние имеет и группа политических факторов, прежде всего желание США сохранить контроль над жизненно важным регионом, где в открытой форме проявляются настроения в пользу полицентрической организации мира и защиты национальных интересов. Представляется, что такого рода диалектика и

в дальнейшем будет определять перспективы реализации идеи зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Проблема несовпадения национальных интересов известна «со времен сотворения мира». После распада советско-американской биполярности и кратковременной институционализации «униполярной» гармонизация национальных интересов в несправедливо устроенном мире виделась в «глобальном управлении» [Governing Globalization..., 2002]. Однако динамика развития относительно благополучного пространства АТР имела следствием поиски нового, полицентрического и справедливого, мирового порядка.

### Индия в поисках жизнеспособной геополитической парадигмы

Потеряв не по своей воле в начале 1990-х годов фактор *стратегического союзничества* с СССР, Индия начала поиски новой геополитической парадигмы. Важным внешним стимулом для этих дипломатических усилий стала активизация дипломатической деятельности Китая, в конце 1980-х годов вышедшего на траекторию форсированного экономического роста. Повышенное внимание индийского внешнеполитического истеблишмента к географическому востоку (то есть Юго-Восточной Азии) имело в своей содержательной основе по крайней мере три определяющих обстоятельства. Первое – значительное культурное влияние Индии в странах «южных морей», иногда рассматриваемое как *общность исторических судеб* двух крупных регионов современного мира. Такого рода общность побудила индийских политологов определить данное географическое пространство как «ин-

до-тихоокеанский регион». Впоследствии эта идея пришлась по душе правящим кругам Соединённых Штатов Америки, заинтересованным в «сдерживании» Китая силами «крупнейшей демократии мира» [Феномен Трампа, 2020, с. 578–594]. Второе – понимание индийскими элитами озабоченности правящих кругов стран ЮВА активизацией политики Китая в Юго-Восточной Азии, где проживают многочисленные этнические китайцы; последние нередко рассматриваются в странах «южных морей» как инструмент внешней политики Поднебесной в сопредельном регионе. Третье – желание официального Дели с помощью «восточной политики» (*Look East*, впоследствии *Act East*) за счет развития активности в зоне «южных морей» создать *стратегическую глубину* в отношениях с исторически родственными странами региона Южной Азии, где ощущается постоянная геополитическая деятельность «непознаваемого» Китая.

Современную внешнеполитическую стратегию Индии в конечном счете формирует сложное переплетение факторов и силовых линий, которые, постоянно видоизменяясь, насыщают государственный курс новым глобальным и региональным содержанием. Особо отметим: официальный Дели остается приверженным идее «стратегической автономии» (то есть самостоятельного поведения в мировом пространстве) и не собирается быть исполнителем американских геополитических замыслов. Даже проамерикански настроенные группы среди индийских политических элит понимают незаменимость России в нынешней, переходной к новому мировому порядку, ситуации. Их замысел состоит в том, чтобы «квадрат сил» Индии, России, США и Китая максимально отвечал индийским интересам. Важным инструментом действенности ин-

дийской внешней политики остается «восточная политика» официального Дели.

Определенным ограничителем деятельности «восточной политики» остается характер взаимоотношений между двумя азиатскими «гигантами»: Индией и Китаем. Логика поведения двух сверхкрупных государств на данном внешнеполитическом направлении выглядит следующим образом. Пекин рассматривает «восточную политику» Дели как стремление к сдерживанию Китая в Юго-Восточной Азии и как составную часть американской стратегии по «изоляции» КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Со своей стороны Дели усматривает в некоторых аспектах китайской политики скрытое желание окружить Индию в регионе Южной Азии «поясом» недружественных государств и тем самым ограничить свободу действий последней в бассейне Индийского океана.

Важное значение для оценки эффективности «восточной политики» Индии имеет позиция стран – членов АСЕАН в отношении внешнеполитической деятельности в зоне «южных морей». Позиция государств ЮВА в отношении «восточной политики» Индии, как представляется, складывается из двух побудительных начал: геополитического и экономического. С одной стороны, элиты стран Юго-Восточной Азии рассматривают Индию в качестве своеобразного противовеса влиянию гиперактивного Китая. С другой стороны, судьба «восточной политики» напрямую зависит от ее экономической эффективности. «Восточная политика» Индии пока не увеличила ее вовлеченность в экономические отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Взаимные товарные потоки, например с Японией и Южной Кореей, остаются ограниченными. В настоящее время

Индии предстоит значительно увеличить свой экспорт на рынки основных государств Азии. Сохраняющиеся дисбалансы в торгово-экономических отношениях Индии со странами АТР всё еще сдерживают диалог Индия – АСЕАН. Необходимо учитывать также протекционистские настроения в государствах ЮВА, правящие круги которых опасаются наплыва дешевых индийских товаров на рынки стран АСЕАН. Можно сказать, что интерес в странах АТР к идее *Indo-Pacific* пока наполнен преимущественно геополитическим смыслом, тогда как внешнеэкономические связи, движущая сила политического сближения всё еще остаются в «стационарном» состоянии.

Судя по всему, власти Индии осознают недостаточность *политэкономического* ресурса для проведения «активистской» внешней политики в отношении Китая, поэтому стимулирование экономического роста в стране преследует не только сугубо «домашние», но и внешние, геополитические, цели. В Дели понимают: возрастание геополитических возможностей Китая в условиях необратимого упадка «коллективного Запада» создает угрозу «растворения» Индии в аморфном с географической и экономической точек зрения регионе «индо-пацифика». Утрата геополитических позиций «крупнейшей демократией мира» в таком случае становится неизбежной.

Тем не менее подозрительность Поднебесной в отношении Индии не стоит абсолютизировать. Так, в Пекине признают, что правительство во главе с Н. Модии начиная с парламентских выборов 2014 г. настойчиво ищет новую геополитическую конструкцию, способную стабилизировать международные отношения в период перехода от «постбиполярности» к такой организации мирового пространства, ко-

торая отражает растущее разнообразие человечества.

Для официального Дели основное внимание, говоря исторически, сосредоточено на «постиндийском» пространстве, то есть на регионе Южной Азии. Так, отношения с Пакистаном в Дели всегда рассматривали в контексте связей с соседними государствами Южной Азии, в число которых некоторые эксперты начинают включать Афганистан и Иран. Стоит признать: в подобной трактовке присутствует здравый смысл. Долгосрочные интересы данной группы государств всё плотнее смыкаются на *горизонтальной* основе под воздействием факторов геоэкономики и геополитики. Каковы же приоритеты Дели в сфере внешней политики и национальной безопасности на важном южноазиатском направлении? Какие факторы влияют на формирование индийской внешнеполитической доктрины в регионе, в чем ее стратегический «стержень»?

Первый – продолжающаяся «смена вех» в политическом мышлении правящего класса, связанная как с затянувшейся сменой поколений в индийской политике (нехватка свежих идей, отражающих реалии быстроменяющейся региональной и мировой ситуации), так и с ростом общественной поддержки (четко проявившейся на парламентских выборах 2014, 2019 и 2024 гг.) сил, которые ставят ударение на новой роли Индии в мире; эта роль вытекает из идеологии «государства-цивилизации», превращающегося в одно из «гравитационных полей» мирового развития.

Второй – стремление старейшей партии страны, Индийского национального конгресса (ИНК), провести смену поколений в Конгрессе в поль-

зу Рахула Ганди, отсутствие склонности последнего к государственному управлению осложняет становление межпартийного консенсуса по проблемам внешней политики (отсутствие содержательной критики правящей БДП и внятной социально-экономической альтернативы индийскому традиционализму вновь проявилось в избирательной кампании 2024 г.).

Третий – растущие сомнения в индийской элите относительно способности США «уравновесить» геоэкономическое и геополитическое влияние Китая; отсутствие консенсуса внутри правящих групп подталкивает их различные силы к такой интерпретации доктрины внешней политики/национальной безопасности, в которой при осуществлении мировой и региональной политики органически сопрягались бы такие фундаментальные принципы деятельности, как суверенитет («стратегическая автономия») и *интеллектуальная самостоятельность*.

Однако подобная линия поведения всё еще встречает скрытое сопротивление в среде индийского внешнеполитического истеблишмента, определенной части «академии», в англоязычной («большой») прессе Индии. Эти группы общества (а равно и верхний слой среднего класса) получают постоянную поддержку извне, от индийской диаспоры на Западе (прежде всего США)<sup>1</sup>, которая начинает играть всё более активную роль во внутриполитических процессах в стране. Связь внутри- и внешнеполитических процессов в развитии Индии начинает проявляться всё более зримо.

В последние 20–25 лет Индия последовательно углубляет и расширяет двусторонние отношения с Соединёнными Штатами. На официальном

1 По оценкам индийских авторов, численность этой общности варьирует в пределах 2,8–3,5 млн чел.

дипломатическом языке этот процесс называется развитием «стратегического диалога». От индийских политологов-международников приходится слышать слова об идентичности взглядов двух «демократий» на архитектуру безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в Дели предпочитают именовать «Индо-Пасифика». Однако авторы подобных оценок вынуждены признать: Индия не вписывается в категорию «традиционного военно-политического союзника Америки»; Дели добивается статуса стратегического партнера (через «стратегический диалог» с США), но не надеется на американские «гарантии безопасности», рассматривая себя как «будущую великую державу». Индия всячески противится участию во всевозможных альянсах, предпочитая фиксировать лишь наличие общих интересов.

Повышение геополитического статуса Индии выявило определенное противоречие между возможным и действительным, то есть между запросом истеблишмента на «сверхдержавность» страны, с одной стороны, и наличием достаточных политэкономических ресурсов для реализации подобного проекта – с другой. В настоящее время правящая элита вынуждена признать приоритет «повестки развития» (то есть экономического роста, сопряженного с максимально возможной занятостью и относительно равномерным/«справедливым» распределением национального дохода) над реализацией геополитических замыслов, которые владеют умами истеблишмента как минимум последнее десятилетие.

Новая индийская внешнеполитическая «матрица» изначально имела внутренние изъяны, поскольку 1) США привыкли рассматривать союзников как вассалов, не заботясь о «законных» интересах последних, включая Индию («докламское противостояние» в Гима-

лаях лета 2017 г. – яркое тому подтверждение); 2) «малые» страны Южной Азии (в том числе Пакистан и Бангладеш) с подозрением относятся к намерениям Индии, пытаясь подыскать геополитический противовес «крупнейшей демократии в мире» в лице Китая, Японии, США, России и даже Австралии; 3) входящие в АТР страны ЮВА, приветствуя присутствие Индии в акватории «южных морей», не готовы к допуску индийцев на свои внутренние рынки, как и в «зону свободной торговли в Азии», мотивируя свою неохоту императивами экономической интеграции АСЕАН и подтягиванием таких стран – членов объединения, как Мьянма и Лаос, к уровню ведущих государств группировки; 4) государства Западной Азии, за исключением, пожалуй, Омана (где проживает 30% индийского населения, составляющего бизнес-костяк султана), начинают опираться на местные кадры, что предвещает крупные потери индийского бюджета, значительная часть дефицита которого покрывается переводами в страну денежных средств, зарабатываемых в регионе Персидского залива индийскими тружениками («экспатриатами»).

В сложившихся условиях «стратегической недостаточности» наиболее значимыми геополитическими партнерами Индии постепенно (и объективно) становятся Россия и Япония. Японские аналитики отмечают общую заинтересованность трех стран в работоспособности подобного геополитического «треугольника». Индия рассматривает и Японию, и Россию как потенциальный противовес «чрезмерно активному» и «непознаваемому» Китаю, тогда как Москва и Токио учитывают «великодержавные» интенции Дели как неплохое подспорье в сдерживании глобальных устремлений Пекина (например, с помощью внутренних механизмов ШОС). Наиболее далеко-

видная часть внешнеполитического истеблишмента в Дели рассматривает Москву как ценную «дипломатическую карту» в своих отношениях и с Пекином, и с Вашингтоном. Однако внешнеэкономическая основа «стратегического партнерства» Индии и России пока слабо выражена по сравнению с торговым оборотом «Слона» и «Дракона». Резкий рост товарооборота между Индией и Россией в 2022–2024 гг. на наш взгляд, требует осторожной оценки.

Известное высказывание Н. Модии «сильная экономика есть основа эффективной внешней политики» словно подчеркивает взаимосвязь геополитики и геоэкономики в формировании государственного курса Индии. Как в сложившихся глобальных и региональных условиях следует развивать российско-индийские отношения?

Представляется, что укрепление российско-индийских отношений целесообразно начинать с совместных проектов, в частности в Центральной Азии. В Дели преобладает трезвый взгляд на эту проблему. Торговые маршруты между Индией и Центральной Азией длинны, извилисты и затратны. Не исключено, что внешнеэкономические связи получают стимулирующий импульс, если Индия заключит соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом [Sikri, 2024]. Правящие элиты региона обеспокоены растущей экономической зависимостью бывших советских республик Средней Азии от Китая; Индия рассматривается элитами центральноазиатских государств как дружественная страна, способная внести значительный вклад в усложнение «уравнения» геополитических сил в стратегически значимом для России регионе. Материальной основой нашего взаимодействия в Центральной Азии может и должна стать концепция Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» с участием

Ирана.

Не менее перспективным пространством геополитического взаимодействия Индии и России представляется регион Западной Азии. Стратегическая значимость Западной Азии для Индии предопределяется массовыми трудовыми миграциями из «крупнейшей демократии мира» в данный регион, которые служат средством покрытия дефицита индийского бюджета, имеющего хронический характер. Помимо этого, в политических кругах в Дели начата проработка параметров стратегического треугольника Россия – Индия – ОАЭ, развитие которого может помочь укреплению позиций России в государствах Персидского залива, а также способствовать нормализации системы межгосударственных платежей, как это эффективно делалось в Советском Союзе (внешнеторговый «треугольник» Москва – Багдад – Дели).

Впрочем, в общей системе российско-индийских отношений следует исходить и из наличия факторов, косвенно влияющих на динамику их развития. В частности, целесообразно учитывать постоянно возрастающее влияние индийской общины в США (ее численность оценивается в диапазоне 2,8–3,5 млн чел., тогда как создаваемый этим сегментом населения Америки виртуальный ВВП «колеблется» вокруг цифры 700 млрд долл.) на внутриполитические процессы в самой Индии. Это влияние, осуществляемое по многочисленным формальным и неформальным каналам, объективно противоречит интересам российской дипломатии в Индии. Немаловажным фактором преодоления текущих трудностей в развитии двусторонних отношений может стать активизация культурной дипломатии России на индийском направлении хотя бы потому, что на работу в этой стране США и другие страны Запа-

да ассигнуют значительные средства, практически не сопоставимые с финансовыми ресурсами, отпускаемыми Россией на работу «мягкой силы» в «крупнейшей демократии мира».

Юго-Восточная Азия и Южная Азия – регионы, в разной степени готовые к полноценному участию в международном разделении труда. Да и представления элит обоих регионов о полицентрическом устройстве мирового порядка заметно разнятся. Если страны ЮВА уже готовы к сотрудничеству в регионе АТР на горизонтальной основе (и в этом процессе заметную интегрирующую роль имеет деятельность объединения АСЕАН), то в регионе Южной Азии пока не преодолены *исторические* противоречия между Индией и странами-соседями, что делает трудноосуществимыми проекты по взаимной интеграции двух крупных регионов. На наш взгляд, Индии и другим странам Южной Азии стоит теснее сотрудничать с Россией и другими членами Евразийского союза, что может открыть для них некоторые новые перспективы во взаимодействии с государствами ЮВА и региона АТР в целом.

## Список литературы

- Арапова Е.Я. Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и сравнение интеграционных потенциалов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – № 2–3. – С. 29–45. – DOI: 10.24866/1813-3274/2017-2-3/29-45.
- Дёмина Я.В. Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет // Пространственная экономика. – 2017. – № 2. – С. 16–40. – DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040.
- Доктрина Никсона / отв. ред. Ю.П. Давыдов [и др.]. – Москва : Наука, 1972. – 232 с.
- Костюнина Г.М., Баронов В.И. Эволюция концептуальных подходов к формированию общерегиональной зоны свободной торговли в Восточной Азии // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 12. Ч. 3. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – 978 с.
- Томилов М.В. Конфигурация зон свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сравнение интеграционных потенциалов // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 84–106. – DOI: 10.14530/se.2019.1.084-106.
- Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. – 642 с.
- Эрхард Л. Благополучие для всех : пер. с нем. – Москва : Начала-Пресс, 1991. – 336 с.
- Bagchi A.K. Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital. – New Delhi : Oxford University Press, 2005. – 423 p.
- China and the USA. Globalisation and the Decline of America's Supremacy / Fouskas V.K., Roy-Mukherjee Sh., Huang Q., Udeogu E. – Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2021. – 94 p.
- Friedman G., Lebard M. The Coming War with Japan. – New York : St. Martin's Press, 1991. – 429 p.
- Governing Globalization. Issues and Institutions / ed. by D. Nayyar. – New Delhi : Oxford University Press, 2002. – 393 p.
- Jha P.Sh. India and China. The Battle between Soft and Hard Power. – New Delhi : Penguin-Viking, 2010. – 398 p.
- Johnson Ch. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1982. – Xvi, 393 p.
- Leading the World Economically / ed. by F. Crouzet, A. Clesse. – Amsterdam : Dutch University Press, 2003. – 414 p.

Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development. – New Delhi : Oxford University Press, 2005. – 301 p.

Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – London-Basingstoke : Macmillan, 1990. – 855 p.

Sikri R. Strategic Conundrums: Reshaping India's Foreign Policy. – New

Delhi : Penguin-Random House, 2024. – 296 p.

The Vitality of Japan: Sources of National Strength and Weakness / ed. by A. Clesse, T. Inoguchi, F.B. Keehn, J.A.A. Stockwin. – London : MacMillan, 1997. – 414 p.

Wolmar Ch. Railways and the Raj. How the Age of Steam Transformed India. – London : Atlantic Books, 2017. – 363 p.

### Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

## South and Southeast Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads

**Andrey G. VOLODIN**

Dr. Sc. (History), Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

**CITATION:** Volodin A.G. (2025). South and Southeast Asia in the Emerging Polycentric World: Political and Economic Crossroads. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 1, pp. 50–71 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.01.04

Received: 27.01.2025.

Revised: 04.03.2025.

**ABSTRACT.** This article employs a historical framework to examine the development of a free trade zone in the Asia-Pacific region and its broader implications for the geopolitical and economic trajectories of Southeast and South Asia. The historical underpinnings of this process are inherently geopolitical, closely intertwined with U.S. efforts to maintain strategic influence over a rapidly emerging center of economic growth within the evolving “post-American” world

order. Regional economic integration initiatives reflect both the intrinsic inclination of states in these regions to foster deeper horizontal cooperation and the strategic maneuvering of a fiscally constrained United States to uphold its dominance in a geopolitical environment increasingly oriented toward autonomous national interests – interests that are progressively diverging from the official policy agenda of Washington. Within the context of ongoing global transforma-

tions, India's role in both regional and international politics is undergoing a profound recalibration. Against the backdrop of these systemic shifts, this article seeks to evaluate the prospects for strengthening Russian-Indian relations within the framework of a rapidly evolving global order.

**KEYWORDS:** Asia-Pacific region, free trade zone in Asia, India, China, Japan, South-East Asia, South Asia, USA, poly-centric world order.

## References

- Arapova E.Ya. (2019). Free Trade Area of the Asia-Pacific and Prospects for Trade Integration Within APEC: Scenario-based Approach. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2017. № 2–3. P. 29–45 (in Russian). DOI: 10.24866/1813-3274/2017-2-3/29-45.
- Bagchi A.K. (2005). *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*. New Delhi: Oxford University Press, 423 pp.
- China and the USA... (2021). Fouskas V.K. et al. *China and the USA. Globalisation and the Decline of America's Supremacy*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 94 pp.
- Doktrina Niksona (1972). Davydov Yu.P. et al. (eds.). *Nixon Doctrine*. Moscow: Nauka, 232 pp. (in Russian).
- Dyomina Ya.V. (2017). International Economic Integration in the Asia Pacific Region and Russia's Interests: Results of 25 Years. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. No. 2, pp. 16–40 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2017.2.016-040.
- Erhard L. (1991). *Prosperity for All*. Moscow: Nachala-Press, 336 pp. (Transl. from German into Russian).
- Friedman G., Lebard M. (1991). *The Coming War with Japan*. New York: St. Martin's Press, 429 pp.
- Governing Globalization... (2002). Nayyar D. (ed.). *Governing Globalization. Issues and Institutions*. New Delhi: Oxford University Press, 393 pp.
- Jha P.Sh. (2010). *India and China. The Battle between Soft and Hard Power*. New Delhi: Penguin-Viking, 398 pp.
- Johnson Ch. (1982). *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975*. Stanford, CA: Stanford University Press, xvi+393 pp.
- Kostyunina G.M., Baronov V.I. (2017). Evolution of Conceptual Approaches to the Formation of a Pan-regional Free Trade Area in East Asia. In: *Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook*. Issue 12, part 3. Moscow: INION RAS, 978 pp. (in Russian).
- Leading the World... (2003). Crouzet F., Clesse A. (eds.). *Leading the World Economically*. Amsterdam: Dutch University Press, 414 pp.
- Nayar B.R. (2005). *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press, 301 pp.
- Phenomen Trampa... (2020). Kuznetsov A. (ed.). *The Trump Phenomenon*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 642 pp. (in Russian).
- Porter M.E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. London-Basingstoke: Macmillan, 855 pp.
- Sikri R. (2024). *Strategic Conundrums: Reshaping India's Foreign Policy*. New Delhi: Penguin-Random House, 296 pp.
- The Vitality of Japan... (1997). Clesse A. et al. (eds.). *The Vitality of Japan: Sources of National Strength and Weakness*. London: MacMillan, 414 pp.
- Tomilov M.V. (2019). Configuration of Free Trade Zones in the Asian-Pacific Region: Comparison of Integration Potentials. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. Vol. 15, no. 1, pp. 84–106 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2019.1.084-106.
- Wolmar Ch. (2017). *Railways and the Raj. How the Age of Steam Transformed India*. London: Atlantic Books, 363 pp.